

УДК 903

Частная жизнь советского человека в условиях военного времени как исследовательский проект *

Татьяна Павловна Хлынина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Россия
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению возможностей источников личного происхождения, в частности неопубликованных дневников периода Великой Отечественной войны, в изучении пространства частной жизни советского человека. Написанные разными людьми, оказавшимися в разных условиях военного времени, они передают различный спектр восприятия приватного. Именно эта разность, а также редкость рукописных свидетельств периода Великой Отечественной войны становятся основным препятствием в решении исследовательских задач одного из наиболее перспективных и интересных направлений истории Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: частная жизнь; советский человек; Великая Отечественная война; архивы; дневники военного времени; исследовательский проект.

«На вопрос – что такое частная жизнь? – с легкостью ответит любой человек, кроме, пожалуй, историка, пытающегося найти грань приватного и публичного в историческом процессе»¹

За последнее десятилетие проектная деятельность в исследовательской сфере приобрела столь широкие масштабы, что давно уже утратила свое первоначальное предназначение². Проектом в настоящее время признается любой нарратив, содержащий упоминание о целях и источниках решаемых исследователем проблем. Подобное смещение жанров, наиболее характерное для представителей гуманитарных наук, создает впечатление о безграничных возможностях рационального познания. Между тем тот же «внимательный слушатель прошлого» (так А.Я. Гуревич называл историка) сдерживаем в порывах своего воображения находящимися в его распоряжении источниками, за редким исключением в состоянии полностью реализовать стоящие перед ним задачи. Ресурсное обеспечение проекта в области изучения прошлого определяет собою не только исследовательскую перспективу, но и осуществление первичных задач, как правило, не выходящих за пределы сбора фактологического материала.

В этом отношении исследовательский проект, посвященный частной жизни советского человека в условиях Великой Отечественной войны, ограничен как возможностями источников, так и отсутствием ясности в вопросе о том, что представляет собою частная жизнь и была ли она в принципе у советского человека. Как следует из дискуссий

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945)», проект № 12 – 01 – 00127.

¹ Наталья Борисовна Лебина. Повседневная жизнь советского города. Нормы и аномалии 1920–1930 годы. URL: <http://lib.rus.ec/b/302572/read> (дата обращения: 15.07.2012).

² Под *проектом* в широком смысле понимают мыслительную конструкцию какого-нибудь изменения, которое заранее спланировано и которое в принципе может быть осуществлено. В технологии управления проектами различают собственно *проект* (то, что задумывается и изменит наш мир) и *дизайн* (документально оформленный план сооружения и конструкции). Реализация проекта в полной мере зависит от успешности проведения подготовительных работ – концептуального обоснования, финансирования и ресурсного обеспечения. Наиболее эффективной на сегодняшний день представляется технология так называемого метода «Р – М – Р» (результаты – методы – ресурсы) // Луков В.А. Социальное проектирование. М., 1997. Глава 5.

последнего времени, частная жизнь из «*факультативного*» направления исторических исследований постепенно становится одним из активно развивающихся сегментов истории России советского периода. Старый спор о том, была ли частная жизнь в СССР, становится анахронизмом. Вместе с тем остаются другие вопросы, касающиеся специфики ее функционирования в рамках «советского проекта» – о границах приватности, о степени открытости и закрытости частной жизни, степени личной свободы и несвободы граждан в различные периоды советской эпохи» [1]. Однако, несмотря на весь анахронизм обсуждаемого вопроса, именно понимание сути частного определяет необходимое ресурсное обеспечения исследовательского проекта. Его смысловой диапазон варьируется от «*приватного, скрытого от взгляда постороннего*» (О.В. Хархордин) до «*косвенно нормированной повседневности*»¹ (Н.Б. Лебина). Если в последнем случае для прояснения частной жизни будет достаточно источников официального происхождения, то для обнаружения «скрыто» требуется совершенно иной корпус свидетельств. Одними из них, безусловно, являются рукописные дневники военного времени. К сожалению, не каждый, а тем более провинциальный архив, располагает такого рода документами². Тем не менее они существуют и способны решить ряд плохо формализуемых задач исследовательского свойства, таких, как семейная жизнь, забота о детях, любовные и дружеские отношения, впечатления от прочитанных книг и увиденных кинофильмах.

Так, в семейном фонде Киселевой (Давыдовой) Национального архива Республики Адыгея сохранилось два уникальных документа периода Великой Отечественной войны – дневник ее отца М.П. Давыдова и мужа А.В. Киселева. Написанные людьми разных поколений, они воплотили в себе не менее разнообразные проявления частной жизни советского человека того времени.

Михаил Прокопьевич Давыдов родился в 1901 г. в с. Кораблино Рязанской области. Как следует из его автобиографии, написанной в 1938 г., происходил из многодетной семьи. Отец до империалистической войны работал швейцаром в I Московской гимназии, затем рабочим-каменщиком, потом «*подался в колхозники*». Мать – потомственная крестьянка, до революции «*ряд лет работала в Москве, Рязани в качестве няни, кухарки, прачки*». Учился М.П. Давыдов в сельской церковно-приходской школе, «*куда ходил три зимы*». В начале 1914 г. был отдан мальчиком в галантерейный магазин братьев Гавриловых, годы войны провел чернорабочим в аптекарско-парфюмерном предприятии Лебедева. За участие в забастовках был уволен с работы и «*вернулся в родное село, где начал свою общественную деятельность*» [2]. В 1920 г. он становится членом партии. С этого времени до 1933 г. служил в рядах Красной армии, где прошел путь от красноармейца до дивизионного партийного работника. До начала Великой Отечественной войны находился на руководящей работе в Краснодарском крае, в годы войны являлся комиссаром Кубанского казачьего полка. С 1944 г. по 1949 г. возглавлял Адыгейский обком ВКП(б), затем был переведен в Латвийскую ССР, где и умер в 1967 г.

Печатная рукопись его дневника «В Кубанском казачьем полку» охватывает события 1941–1942 гг. и составляет 136 стр. машинописного текста. В тексте встречаются чернильные правки, вымаранные фамилии сослуживцев. Когда и при каких обстоятельствах он был перепечатан и насколько соответствует оригиналу, выяснить так и не удалось. Первая запись, датируемая 26 июня 1941 г., сообщает, что в Новороссийске, где к тому времени находился М.П. Давыдов с семьей, «*продолжалась народная жизнь – работали фабрики, заводы, шла торговля*» [3]. Здесь же встречается и описание занимаемого им «*одного из больших домов города (новый пятый коммунальный)*». Правда, оно оказалось встроенным

¹ По мнению исследовательницы, «анализ богатого фактического материала и западноевропейского, и русского происхождения, касающегося эпохи Нового времени, сегодня не позволяет безоговорочно соглашаться с бытующим в западной историографии мнением о том, что антиподами общественной жизни являются интимность и сексуальность, семья и семейные отношения, рождение детей и их воспитание. Еще большие основания сомневаться в истинном существовании сфер человеческого бытия, полностью независимых от общества, имеют исследователи социальной истории России XX века» // *Повседневная жизнь советского города. Нормы и аномалии 1920–1930 годы*. URL: <http://lib.rus.ec/b/302572/read> (дата обращения: 15.07.2012).

² «Архивы вообще, в частности вот наш архив, он достаточно молодой по составу документов, т.е. какой-то древний, уникальный документ в нем уже не найдешь» // Из интервью с заместителем директора Государственного учреждения «Национальный архив Республики Адыгея Ф.З. Гонезук. Полевые материалы автора. Республика Адыгея. Запись 18.07.2012.

в повествование об организованной его женой обороне дома. Сюжетная линия, связанная с пространством дома, как таковая в дневнике не получает своего дальнейшего развития. Скорее всего, в силу служебной деятельности и частных переездов домами для М.П. Давыдова становились предоставляемые ему помещения. Да и сам «жанр» выбранного им изложения происходивших событий не предполагал лирических отступлений. Практически все содержимое дневника наполнено событиями, так или иначе связанными с боевыми действиями, передислокациями Кубанского казачьего полка: *«В этом дневнике я, конечно, не в состоянии охватить весь славный боевой путь, который прошел наш Краснознаменный гвардейский полк в трудный 1942 год. Но основные боевые действия описаны так, как я мог, не претендуя на художественное изложение. Эти строки писались в походах, на отдыхе, в госпитале»* [4]. И лишь изредка встречаются бытовые зарисовки, емкие и однозначные характеристики однополчан, сухие, напоминающие канцелярские отчеты, упоминания о приезде жены и дочерей. Тем не менее, несмотря на свою информационную и эмоциональную скупость, они очерчивают пространство приватного, жестко регламентированного фронтовой обстановкой и явной неприязнью говорить о подобном рода вещах среди лиц начальствующего состава.

Начавшееся формирование добровольческого казачьего корпуса привело М.П. Давыдова в Усть-Лабинск, где он встретился с командиром эскадрона Шейкиным, в прошлом красным партизаном, кузнецом колхоза «Ростсельмаш». Встреча произошла на квартире последнего, поразившей М.П. Давыдова скромностью, простотой, но в то же время своей культурностью: *«С первого взгляда складывалось такое впечатление, что семья живет дружно... Жена и дочери были заняты делом. Все они готовили необходимое главе семьи для ухода на фронт. В этой семье меня встретили тепло, запросто и даже радушно»* [5].

Семейная тема нашла свое продолжение в кратких описаниях приезда на фронт семьи М.П. Давыдова. Впервые он упоминает об этом 25 апреля 1942 г. *«Ко мне приезжала семья – Галя, Надя и Майя. За это время я побывал в Новороссийске и 17 апреля попал там под сильную бомбежку. Положение в городе было крайне тяжелое. Большие трудности переживает и моя семья. Коммунистам Новороссийска было запрещено эвакуироваться. Моя жена член партии с 1920 г. Значит, моя семья не могла покинуть город»* [6]. Однако через три дня он сообщает, что дети пока останутся в ст. Тбилисской. 8 мая к нему снова приезжала жена, состояние здоровья которой сильно обеспокоило М.П. Давыдова. Тем не менее он пригласил на ужин своих друзей, где *«на прощание Галина спела нам свою любимую песню “Бабуся”. Мне казалось, что так хорошо она еще никогда не пела. Пистин, Сагонов и все друзья были восхищены пением. Своей красотой, скромностью и ясностью ума Галина заслужила у моих друзей большое уважение»* [7]. На страницах дневника нашли отражение и внебрачные отношения его сослуживцев. Характеризуя командира полка как хорошего начальника, любящего и знающего свое дело, М.П. Давыдов отмечает у него один серьезный порок: увлечение женщинами. Недопустимость такого поведения приводит его к мысли *«переговорить об этом»*. Спустя несколько месяцев он опять возвращается к этой теме, отмечая, что при оставлении одной из станций там остался только его начальник *«видимо, для того, чтобы “попрощаться”»* [8].

Одной из наиболее сложных задач в изучении проявлений частной жизни в условиях военного времени остается выявление отношения человека к происходящему на фронте. Эта, казалось бы, не имеющая непосредственного отношения к теме исследования сюжетная линия во многом определяла душевное состояние и способность людей воюющих к самоанализу и глубокой рефлексии. На фоне искреннего патриотического порыва и стремления одержать победу над врагом у людей нередко возникали сомнения в оправданности предпринимаемых действий и их трагических последствий. Следствием чего нередко становились публичные срывы, невольно выдававшие *«самые потаенные и не раз передуманные мысли»*. Находясь на отдыхе в ст. Келермесской, М.П. Давыдов стал свидетелем *«неприятного случая»*, когда *«один из начсостава, подполковник, плакал от поражения: “Я не пораженец, я большой патриот. Я устал, я измучался, я с 29 июля почти не спал (запись датируется 9 августа 1942 г. – Т.Х.). Я не могу пережить всего этого, что случилось с нами”»* [9]. В то же самое время командир полка, лежа на траве и глядя на

небо¹, говорил ему: *«Миша, знал бы ты, как у меня сейчас ноет сердце, никогда так не было. Тоска невыносимая... Тоска»* [10].

Совершенно в другой тональности выдержан дневник А.В. Киселева, 19-летним юношей встретившего войну. Уроженец Майкопа, он 15 июня 1940 г. окончил полный курс школы, обнаружив при этом отличное знание всех предметов и примерное поведение. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 3 сентября 1935 г. он получал право на поступление в высшую школу без экзаменов. Однако реализовать его смог только после войны, которую прошел «в звании» старшего писаря, затем чертежника (*«стал крысой»*) в инженерно-саперных батальонах 24 саперной бригады 8 саперной армии и 10-й штабной инженерно-саперной Витебской Краснознаменной бригады [11]. В 1945–1947 гг. А.В. Киселев окончил Майкопский государственный учительский институт по специальности русский язык и литература, а затем Краснодарский государственный педагогический институт, став учителем истории. Защитив в 1970 г. кандидатскую диссертацию, А.В. Киселев много сделал для изучения Великой Отечественной войны в Адыгейской автономной области, вел обширную переписку с фронтовиками, призывавшимися из области, и их родственниками².

Его дневник представляет собою общую тетрадь в красном матерчатом переплете. Записи, сделанные простым карандашом и чернильной ручкой на 40 листах, охватывают период 1941–1944 гг. Около трети из них затерты и практически не читаются. Первые три листа абсолютно «слепые» и только с записи, помеченной 22 ноября 1941 г., мы узнаем об изменениях, происшедших в его жизни: *«Ровно месяц похода – месяц новой жизни, полный разных приключений, мук, проклятий и воспоминаний. Этот день навсегда останется в памяти как день расставания на период, неизвестный никому, – будешь жив, вернешься, а нет, значит, нет. Жаль одно – последний день и не видел отца. Из Куржорской просил позвонить – передать привет, не знаю, что из этого вышло. Ну, все. Сейчас как будто на месте. У хозяйки, имеющей детей 6, одна комната, грязь, вонь, есть нечего. Познакомился с Тимкой, стоим в х. Калинине. Там нас переформировали, затем оказались в Романовке, потом на х. Потапов. На третий день утром хозяйка сварила баранину. В 9 утра вышли на Калинин. 19 – пришли, поставили на квартиру. Едим плохо, даже очень. Купили три гуся, пока что есть. Затирка – и больше ничего. Сегодня искупались в бане – землянка, сменили белье. Стирка – мыла дали на смех. Не хватило на стирку. Ну что же трудности – говорят, это временные, пока первые дни»* [12].

В отличие от дневника П.М. Давыдова у А.В. Киселева практически не встречается упоминаний о боевых действиях, за исключением оставленных и освобожденных городов и населенных пунктов: *«Первые крупные победы»* (20 января 1943 г.). *«Вчера наши взяли Ворошиловск, сегодня Сальск, Микоян-Шахер»* (23 января 1943 г.). *«Вчера большая радость – освободили Майкоп, был так рад, что даже выпустил слезы»* (30 января 1943 г.) [13]. Все его мысли и впечатления сконцентрированы на условиях предоставляемых квартир, питания, отношениях между людьми, прочитанных книгах, воспоминаниях о довоенном времени и судьбах родных. Ведя кочевую жизнь (*«Надоела вся эта кочевая жизнь. Пересиливать себя в моменты такие, когда готов кричать, ругаться на все и за все»* [14]), он на протяжении наиболее тяжелых 1941–1942 гг. детально описывает *«сменяемые с калейдоскопической быстротой»* постоянные дома. *«На квартире трое нас – Толик, Тимка и я»* (26 ноября 1941 г.) [15]. *«Оказались в станице Николаевской. Втроем у хозяйки (я, Толик, Тимка) – казачки. Одна маленькая комнатка, земляной пол, две семьи – теснота – всего вместе с нами 5 взрослых, 6 малышей, с гигиеной так же, как и на х. Калинине»* (6 апреля 1942 г.) [16]. Иногда получалось обрести настоящий «кусочек» того дома, который не давал ему покоя: *«Мои вещи завезли в Ростов. Пришлось ехать. Пошел в баню, встретил там Ивана Ивановича – начальника мастерских 1511. Пригласил к себе на ночевку, и с этого дня началась дружба с ним и хозяйкой его квартиры, дородной женщиной, малограмотной, приветливой Ириной Ивановной Раденко. Приезжаю каждую десятидневку в баню и обязательно ночью у ней. Чай, патефон, “шотландская застольная”»* (24–25 февраля 1942 г.) [17].

¹ Несмотря на заверения в отсутствии литературности, это описание очень похоже на «небо Аустерлица» Андрея Болконского.

² Переписка А.В. Киселева с фронтовиками и их родственниками хранится в личном фонде П.У. Аутлева, продолжившего его начинание (ГУ НАРА. Ф.Р. – 1146. Оп. 1. Д. 267).

Работа в штабе оставляла ему время («Вчера не писал, живу, как на даче. Работой не перегружен» [18]) на размышления о резко изменившейся жизни, раскрепостившейся на войне всех – и мужчин, и женщин. Характеризуя состав инженерного отдела, он особо останавливается на женской его составляющей, представленной, по его мнению, не лучшими представительницами слабого пола: «Л.А. Шпяу – техник по учету, “прости” видимо, была ранее, разгульна от командира бригады до офицера связи. Требуется все молодых. Терпима лишь по части службы. Блондинка, курит, некрасива, смех пропившейся пьяной бабенки. Муся Зайцева – головастик ..., кретинка, карикатура жизни или несчастье природы. Сама – мала, головка с ведро. Хочет быть любима и кем, господи ... Видимо, никогда не пробовала прикосновения к телу руки мужчины, рада, чтобы ее хоть кто-то. Противно» [19]. Вместе с тем он понимает, что «природа берет свое», а обстоятельства требуют приноравливаться к ней: «Все мы попали в хорошее место, а особенно с питанием. Ведь не секрет, что питались в Миллерово плохо, а сейчас вот эти дни. Хлебом, молоком, мясом, маслом насыщаемся вовсю... Утром – яйца, чай, сыр, молоко. Обед (в столовой) пошли, сама хозяйкина невестка работает там. Пригласила домой, говорит, принесу второе – принесла ... Да, она говорит, мы приглашаем Вас с компанией на вечеринку завтра (тоже политика – треба). Посмотрим, что выйдет, настойчиво просит. Все же, как устроена жизнь (особенно сейчас). Наблюдал в разных местах. Все толкает на отвратительную, непозволительную для общества животную любовь». «Дело с вечером отложилось на несколько дней ... Невестка, ее пошлые намеки, так противно! Но оскорблять нельзя – надо молчать. Пока живем у нее, она ведь угощает, а с питанием не всегда одинаково» (3–5 июля 1942 г.) [20].

Однако, несмотря на испытываемые чувства физического отвращения к подобному рода отношениям, А.В. Киселев с нетерпением ждет письма от любимой девушки, воспоминания о которой уже успела затмить другая встреча: «Первые из дома письма и письмо от Вальки, такое долгожданное. Часто вспоминал ее, сравнивал с Н. – разницу находил, но сейчас, когда уже нет тех чувств, хотя и вспыхивают иногда, редко, прошедшее время. Больше от нее писем нет – есть на ее месте другие!» (6 апреля 1942 г.) [21]. Воспоминания о девушках вызывают в памяти очертания оставленного дома, о котором в течение восьми месяцев не было никаких известий: «Вечером взбредли думы о проведенных днях с Н.С., где она сейчас? В Хабаровске была, так меня информировали, когда я был дома. Дом? Нет его у меня теперь. Не мило ничто. О женщинах, девушках думаешь вскользь, хотя и тянет иногда» [22].

Тягу к женскому полу и тоску по дому он «скрашивает» чтением. Судя по дневниковым записям, А.В. Киселев читал много и бессистемно: «Сейчас вроде эпидемия. Больных много – грипп или малярия. Я немного сегодня приболел. Читал все, что попадется» (24 августа 1942 г.) [23]. О каждой из прочитанных книг он оставляет небольшой комментарий, передающий либо ее краткую суть, либо впечатления о прочитанном. «Читал Косту Хетагурова. Призыв к свободе звучит в каждом стихе, но в то же время пишет о том, что устал жить, старость – пессимистичен. Читается легко» (1 сентября 1942 г.) [24]. «Сижусь один, читаю рассказы Евгения Чирикова. Пространно описывает про интеллигенцию со всеми ее стремлениями, жизнью» (1 октября 1942 г.) [25]. «Жизнь проходит своим чередом. Работаешь, кушаешь, спишь, круговорот. Один раз было в субботу кино “Любимая девушка”. Читаю Генриха Манна “Юность Генриха 4”. Борьба протестантов и католиков» (5 октября 1942 г.) [26]. «Ночью опять бомбили Грозный. На душе тяжело, но почему и сам не знаю. Книжку прочел Генриха Манна. Впечатление хорошее. Выписал некоторые афоризмы» (11 октября 1942 г.) [27]. «Прочел книгу Ванды Василевской “Радуга” – писать умеет, оказывается, даже хорошо» (23 января 1943 г.) [28].

Однако основным лейтмотивом его переживаний оставались дом и семья. Страстное желание, чтобы «ничего этого не было, а было, как прежде», не покидало его на протяжении всего того времени, пока «пребывал в мучительной неизвестности: живы ли?». Уже 27 ноября 1941 г., когда появилась призрачная надежда «быть отбракованным», он пишет в дневнике: «Вызывали всех к врачу. Записали меня на консультацию, на комиссию – порок сердца. Ах, если бы домой» [29]. Его желание вернуться домой не имело ничего общего с пораженческими настроениями, охватившими определенную часть общества. Призыв в армию оказался для него первым выездом за пределы родного города, который он не покидал в течение всей своей жизни. Сколь неожиданный разрыв с прежним укладом жизни, «всем тем, что было близко, любимо» не мог не сказаться на его душевном

состоянии. В первые месяцы вне дома он все время пишет письма и пребывает в «отчаянии от неизвестности»: «Вечером получил письмо от Петра Лукьянова. Был рад неописуемо – один хоть не у немцев – служит на государственной границе Армянской ССР. Ему возвратили три письма – он посылал моим родным» (11 октября 1942 г.) [30]. С освобождением Майкопа у него «теперь одно узнать – живы ли? Вчера же написал несколько строк и передал проезжавшему товарищу – он бросит в Армавире. Сегодня написал 9 писем – семь из них в Майкоп на разные адреса – чтобы узнать о родных. Написал в Кисловодск и Курганную» (30 января 1943 г.) [31]. И только через два месяца он получил долгожданное известие: «Сколько радости! Как далеко стало легче на сердце, за 8 месяцев – вчера получил письма из дому (2 открытки от 4/III, из Курганной от Милы, матери Рогоза), а сегодня от дяди Феди, тети Шуры и от Василия. Дома все живы, но переезжали в город. Как там были они? Были многие в партизанах» (26 марта 1943 г.) [32].

Сопоставительный анализ двух дневников, двух пространств частной жизни людей, отстоящих друг от друга на несколько поколений, свидетельствует об эмоциональной скупости представителей одного и большей душевной раскрепощенности другого. Между тем дневник оставался для каждого из них практически единственной возможностью проявления приватного, глубоко личного в условиях фронтовой жизни. Казавшаяся изначально неподконтрольной воздействию извне частная жизнь и комиссара М.П. Давыдова, и штабного писаря А.В. Киселева несла на себе отпечатки нормативных представлений, формируемых идеологией власти и коллективной моралью. Разница заключалась лишь в источниках этого воздействия (семейного положения, полученного образования, привычки к уединению, отношений с представительницами женского пола, круга чтения, опыта социализации), а также занимаемого ими положения во фронтовой иерархии. Дневник П.М. Давыдова являет собою яркий образец жизни партийного руководителя, жизни «на виду». Его пространство приватного ограничивается встречами с семьей, которые происходят на фоне решаемых боевых задач, и краткими неодобрительными замечаниями в адрес поведения сослуживцев. Его младший современник и будущий муж одной из дочерей живет насыщенной внутренней жизнью, зачастую автономной по отношению к происходящему. Эти, на первый взгляд, разнящиеся проявления приватного, по сути, и составляют разные регистры единого пространства частной жизни советского человека, выявлению которых во многом способствуют неопубликованные дневники военного времени.

Примечания:

1. Зубкова Е.Ю. Частная жизнь в советскую эпоху: историографическая реабилитация и перспективы изучения // Российская история. 2011. № 3. С. 159.
2. Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея». Ф.Р. – 855. Оп. 1. Д. 23. Д. 1.
3. Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея». Ф.Р. – 855. Оп. 1. Д. 23. Д. 1. Л. 7.
4. Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея». Ф.Р. – 855. Оп. 1. Д. 23. Д. 1. Л. 136.
5. Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея». Ф.Р. – 855. Оп. 1. Д. 23. Д. 1. Л. 11.
6. Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея». Ф.Р. – 855. Оп. 1. Д. 23. Д. 1. Л. 40.
7. Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея». Ф.Р. – 855. Оп. 1. Д. 23. Д. 1. Л. 46.
8. Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея». Ф.Р. – 855. Оп. 1. Д. 23. Д. 1. Лл. 39, 40.
9. Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея». Ф.Р. – 855. Оп. 1. Д. 23. Д. 1. Л. 60.
10. Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея». Ф.Р. – 855. Оп. 1. Д. 23. Д. 1. Л. 61.
11. Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея». Ф.Р. – 855. Оп. 1. Д. 46, 47.
12. Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея». Ф.Р. – 855. Оп. 1. Д. 52. Л. 3.
13. Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея». Ф.Р. – 855. Оп. 1. Д. 52. Лл. 19 об., 27.

14. Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея». Ф.Р. – 855. Оп. 1. Д. 52. Л. 18.
15. Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея». Ф.Р. – 855. Оп. 1. Д. 52. Л. 4.
16. Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея». Ф.Р. – 855. Оп. 1. Д. 52. Л. 4 об., 5.
17. Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея». Ф.Р. – 855. Оп. 1. Д. 52. Л. 6 об.
18. Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея». Ф.Р. – 855. Оп. 1. Д. 52. Л. 8 об.
19. Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея». Ф.Р. – 855. Оп. 1. Д. 52. Л. 6 об.
20. Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея». Ф.Р. – 855. Оп. 1. Д. 52. Л. 8, 8 об.
21. Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея». Ф.Р. – 855. Оп. 1. Д. 52. Л. 5 об.
22. Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея». Ф.Р. – 855. Оп. 1. Д. 2. Л. 5 об.
23. Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея». Ф.Р. – 855. Оп. 1. Д. 52. Л. 14.
24. Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея». Ф.Р. – 855. Оп. 1. Д. 52. Л. 15 об.
25. Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея». Ф.Р. – 855. Оп. 1. Д. 52. Л. 18.
26. Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея». Ф.Р. – 855. Оп. 1. Д. 52. Л. 18.
27. Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея». Ф.Р. – 855. Оп. 1. Д. 52. Л. 19 об.
28. Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея». Ф.Р. – 855. Оп. 1. Д. 52. Л. 19 об.
29. Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея». Ф.Р. – 855. Оп. 1. Д. 52. Л. 4.
30. Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея». Ф.Р. – 855. Оп. 1. Д. 52. Л. 19.
31. Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея». Ф.Р. – 855. Оп. 1. Д. 52. Л. 27.
32. Государственное учреждение «Национальный архив республики Адыгея». Ф.Р. – 855. Оп. 1. Д. 52. Л. 28.

Транслитерация:

1. Zubkova E.Yu. Chastnaya zhizn' v sovetskuyu epokhu: istoriograficheskaya reabilitatsiya i perspektivy izucheniya // Rossiiskaya istoriya. 2011. № 3. S. 159.
2. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv respubliky Adygeya». F.R. – 855. Op.1. D.23. D.1.
3. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv respubliky Adygeya». F.R. – 855. Op.1. D.23. D.1. L.7.
4. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv respubliky Adygeya». F.R. – 855. Op.1. D.23. D.1. L.136.
5. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv respubliky Adygeya». F.R. – 855. Op.1. D.23. D.1. L.11.
6. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv respubliky Adygeya». F.R. – 855. Op.1. D.23. D.1. L.40.
7. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv respubliky Adygeya». F.R. – 855. Op.1. D.23. D.1. L.46.
8. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv respubliky Adygeya». F.R. – 855. Op.1. D.23. D.1. Ll.39, 40.
9. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv respubliky Adygeya». F.R. – 855. Op.1. D.23. D.1. L.60.
10. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv respubliky Adygeya». F.R. – 855. Op.1. D.23. D.1. L.61.
11. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv respubliky Adygeya». F.R. – 855. Op.1. D.46, 47.

12. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv respubliki Adygeya». F.R. – 855. Op.1. D.52.
L.3.
13. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv respubliki Adygeya». F.R. – 855. Op.1. D.52.
Ll.19 ob., 27.
14. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv respubliki Adygeya». F.R. – 855. Op.1. D.52.
L.18.
15. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv respubliki Adygeya». F.R. – 855. Op.1. D.52.
L.4.
16. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv respubliki Adygeya». F.R. – 855. Op.1. D.52.
L.4 ob., 5.
17. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv respubliki Adygeya». F.R. – 855. Op.1. D.52.
L.6 ob.
18. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv respubliki Adygeya». F.R. – 855. Op.1. D.52.
L.8 ob.
19. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv respubliki Adygeya». F.R. – 855. Op.1. D.52.
L.6 ob.
20. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv respubliki Adygeya». F.R. – 855. Op.1. D.52.
L.8, 8 ob.
21. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv respubliki Adygeya». F.R. – 855. Op.1. D.52.
L.5 ob.
22. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv respubliki Adygeya». F.R. – 855. Op.1. D.52.
23. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv respubliki Adygeya». F.R. – 855. Op.1. D.52.
L.14.
24. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv respubliki Adygeya». F.R. – 855. Op.1. D.52.
L.15 ob.
25. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv respubliki Adygeya». F.R. – 855. Op.1. D.52.
L.18.
26. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv respubliki Adygeya». F.R. – 855. Op.1. D.52.
L.18.
27. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv respubliki Adygeya». F.R. – 855. Op.1. D.52.
L.19 ob.
28. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv respubliki Adygeya». F.R. – 855. Op.1. D.52.
29. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv respubliki Adygeya». F.R. – 855. Op.1. D.52.
L.4.
30. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv respubliki Adygeya». F.R. – 855. Op.1. D.52.
L.19.
31. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv respubliki Adygeya». F.R. – 855. Op.1. D.52.
L.27.
32. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Natsional'nyi arkhiv respubliki Adygeya». F.R. – 855. Op.1. D.52.
L.28.

UDC 903

Soviet Person's Personal Life in Wartime as a Research Project

Tatyana P. Khlynina

Institute of Social-Economic and Humanitarian Research of Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russia
41 Chekhova Prospekt, Rostov-on-Don 344006
Doctor of History
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Abstract. The article deals with the detection of possibilities of personal sources, particularly unpublished diaries of the Great Patriotic War, studies personal life of the Soviet citizen. Written by different people, got into different conditions in wartime, they conveyed various spectrum of perception of the private. That particular difference and the rarity of written evidence of the Great Patriotic War period are major obstacles to solve the research tasks of one of the most prospective and interesting trends of the Great Patriotic War history.

Keywords: personal life; Soviet citizen; the Great Patriotic War; archives; wartime diaries; research project.